

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СТРУКТУРОЙ ЗАКОНОВ XII ТАБЛИЦ (НА ПРИМЕРЕ VIII–X ТАБЛИЦ)

Рассматривается проблема структурной композиции правовых норм в тексте законов XII таблиц. Выдвигается предположение, что модель составителей законов XII таблиц могла основываться на принципах, связанных с особенностями духовной культуры и соционормативного регулирования, характерными для архаического общества. Римский календарь должен рассматриваться в качестве нормативного механизма, отражающего и одновременно создающего определенный порядок в сфере природно-космической, тогда как связанные с ним и зафиксированные децемвирами законы фиксировали этот порядок в человеческом мире.

Ключевые слова: Древний Рим; римское право; законы XII таблиц; религия; календарь; понтифики.

Трудно переоценить значение для исторической науки законов XII таблиц (далее – Законы), являющихся главным источником наших знаний о праве архаического Рима. Ценность их еще более возрастает, если учесть, что данные Законов активно привлекаются исследователями для реконструкции общественных отношений в Риме «царского периода» и эпохи Ранней республики. Воссоздаваемый в научной и учебной литературе образ архаического Рима в значительной мере опирается именно на сведения Законов, которые позволяют судить о степени развитости того или иного института либо общества в целом. В то же время, как справедливо было отмечено, «между двумя имеющимися в нашем распоряжении источниками – законами XII таблиц и катоновским трактатом “О земледелии” лежит огромная, почти ничем не заполненная хронологическая пауза, что само по себе должно нас предостеречь против слишком категоричных оценок состояния римского общества в этом временном промежутке» [1. С. 72]. Кроме того, необходимо учитывать, что используемая в настоящее время модель Законов является позднейшей реконструкцией древнего децемвирального свода, в основных своих чертах созданной немецкими учеными XIX в. М. Фойгтом и Х. Дирксеном и опиравшейся на «систему» Сабина, комментарии Гая к Законам и преторские эдикты [2. С. 43; 3. С. 109–110]. Исходным материалом для нее послужило хаотичное собрание цитат Законов и комментариев к ним, извлеченное из сочинений древних авторов. Нет необходимости доказывать, что при их систематизации и анализе истории и юристы Нового времени исходили из собственных представлений о раннем римском праве, перенося на него взгляды и стереотипы своего времени и своей правовой культуры.

В частности, это выразилось в стремлении – неважно, осознанном или бессознательном – исследователей того времени выдвинуть на первый план сферу частного права, отодвинув на второй план право публичное [4. С. 73–74; 5. Р. 9]. Так, М. Фойгт был убежден в том, что Законы являлись древнейшим сводом частного права с включением правовых норм других отраслей, так или иначе с ним связанных [2. С. 55]. Между тем нельзя не заметить, что данная реконструкция довольно слабо обеспечена в части источников. Как было отмечено выше, исходным материалом

при первых попытках воссоздания текста Законов служило бессистемное собрание цитат отдельных положений свода и комментарии к ним. При этом прямые указания на расположение тех или иных норм в системе децемвирального свода крайне немногочисленны. Более или менее определенно мы можем говорить о расположении всего лишь четырех норм – в IV, X и XI–XII таблицах [6. С. 28]. Более того, ссылки на Сабина, Эмилия Галла и комментарии Лабеоны к Законам весьма гипотетичны, поскольку структура их собственных произведений, сохранившихся лишь по фрагментам, нам не известна. Все это позволяет согласиться с неоднократно звучавшем в литературе мнением о том, что существующая в настоящее время реконструкция системы децемвирального свода носит весьма условный характер [3. С. 109–110; 6. С. 28, 43; 7. С. 88; 8. С. 22]. Оценивая реконструкцию М. Фойгта, исследователи справедливо указывают на то обстоятельство, что определяющее влияние на нее оказали общественные и правовые реалии XIX в. [9. С. 246–247]. Осознание этого обстоятельства вызвало напряженную работу по палингенезу Законов в исторической и правовой науке. Учитывая важность темы, хотелось бы высказать некоторые соображения относительно структуры Законов.

В современной историографии самое широкое распространение получило мнение о том, что Законы стали результатом законотворческой деятельности комиссии децемвиров, будучи, таким образом, важным нововведением в правовой жизни римской общины V в. до н.э.¹ В то же время многие исследователи полагают, что создание децемвирального свода было фиксацией уже существующих правовых норм². При этом знание и толкование «старого» неписаного права было исключительной прерогативой жрецов и магистратов из числа патрициев, контролировавших, в частности, коллегия понтификов³. Как полагают некоторые исследователи, господствующее место в Законах занимало сакральное право, а это, в свою очередь, указывает на то, что система построения нового свода в общих чертах должна была соответствовать требованиям *ius sacrum* [9. С. 246]. Однако если Законы представляли собой свод норм сакрального права, можно ли вообще говорить о наличии какой-либо четкой системы? В литературе зачастую бытует представление о том, что «предправовые» норматив-

ные механизмы, возникавшие на стадии перехода от мононорм к зрелым формам права, отличались рыхлостью и бессистемностью по сравнению с правовыми системами, возникавшими в условиях государства⁴. В основе такого представления находится восприятие современных правовых форм и моделей как некоего нормативного образца. При этом, однако, чем дальше мы уходим в архаику, тем более четкими и жестко построенными становятся нормативный инструментарий и мифоидеологические конструкции, порождаемые обществом того времени. В этой связи уместно привести свидетельство Цицерона, который указывает: «Оттого-то знание права и доставит вам радость и удовольствие, что вы увидите, насколько наши предки оказались выше всех народов государственной мудростью; достаточно сравнить наши законы с их Ликургом, Драконтом, Солоном. Нельзя даже поверить, насколько беспорядочно – прямо-таки до смешного – гражданское право всех народов, кроме нашего» (Cic. De orat. I.44.197. Пер. Ф.А. Петровского).

Говоря об архаическом праве, необходимо прежде всего учитывать специфику ранних форм права. Как было отмечено, «можно заметить, что ранние формы права очень тесно переплетаются с комплексом религиозно-мифологических представлений, и прежде всего, с такими социальными нормами, как ритуал, обряд и миф. Чем проще общество, тем ближе право к ритуалу, регулирующему взаимоотношения мира людей и мира “богов”... тем меньше интереса к привычным для нас проблемам имущественного, семейного плана» [15. С. 225]. Как представляется, ключ к пониманию системы организации правовых норм в Законах дает сообщение Макробия, указывающее на связь их структуры с календарем: «*Тудитан в третьей книге “О магистратах” сообщает, что об интеркаляции народ запрашивали десять мужей, которые к десяти таблицам законов прибавили еще две*» (I.13.21) [8. С. 18–22; 16. С. 126–127; 17. С. 148]. Возможным подтверждением сведений Макробия является сообщение Цицерона, который также указывает на связь календаря с правовыми нормами, зафиксированными на неких таблицах (tabulum) (Ad Att. VI.1.8). В этой связи следует обратить внимание на хорошо известное свидетельство источников, согласно которым первой комиссией децемвиров было принято только десять таблиц законов и лишь позднее вторая комиссия добавила еще две таблицы (Liv. III.34.1)⁵. Прежде всего, бросается в глаза соответствие числа децемвиров числу принятых ими таблиц. В свете сообщения Макробия это позволяет предположить изначальную ориентацию структуры Законов на существовавший в архаическом Риме 10-месячный («Ромулов») год⁶. О нем, в частности, напоминает название последнего месяца в римском календаре, завершавшем годовой цикл, – december (букв. – «десятый»)⁷. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, требующей отдельного рассмотрения, поскольку, согласно римской традиции, переход от 10-месячного к 12-месячному календарю произошел не в V в. до н.э., а несколькими веками ранее, при царе Нуме Помпилии⁸. Однако, в любом случае, даже если принять традиционную датировку смены кален-

дарной системы, составители Законов должны были ориентироваться на «сакральный» 10-месячный год (возможно, воспринимавшийся в качестве патрицианской модели времени), которому противопоставлялся «плебейский» (этруский?) 12-месячный год⁹.

Числа 10 и 12 выглядят явно неслучайными в рассказе Ливия. Как известно, переход на новый календарь был лишь частью серии религиозных реформ, проведенных Нумой Помпилием. В условиях того времени изменения в сакральной сфере сопровождались переменами в общественной жизни. Ливий, описывая историю принятия Законов, активно использует числовую символику. Первые «десять мужей» не только принимают десять таблиц, но и вершат суд каждые десять дней¹⁰. При этом их сопровождали десять ликторов – по одному на коллегу (III.34.8). Не совсем ясно, правда, сколько ликторов окружало децемвира в процессе судопроизводства – десять или двенадцать (III.34.8, 36.3). Можно заметить, что в сочинении Ливия первая комиссия противопоставляется второму составу децемвиров, принявшему окончательный вариант Законов (III.37.4). Теперь каждого из «мужей» окружает двенадцать ликторов, а всего на форуме присутствует сто двадцать «служителей» (III.36.3–4). Именно второму составу децемвиров Ливий приписывает попытку узурпации власти в Риме, под которой явно скрывались какие-то важные перемены в системе управления общиной¹¹.

В том случае, если десять таблиц Законов соответствовали десяти месяцам «Ромулова» года, первоначально последней была X таблица. Она, таким образом, выступает в качестве пограничной между основным сводом и добавленными позднее двумя таблицами. Если это так, то систему построения Законов следует искать в пределах первых десяти таблиц. Задача облегчается тем, что можно говорить об аутентичности норм X таблицы, по свидетельству Цицерона посвященной погребальным обрядам (Cic. De leg. II.25.64). Изучение соседних VIII, IX и X таблиц позволяет обнаружить существование определенной связи между ними: X таблица посвящена погребальным обрядам, IX – регламентирует применение смертной казни, тогда как VIII содержит перечень преступных деяний, влекущих в качестве санкции штраф или смертную казнь. Таким образом, просматривается определенная система: VIII (деяние) – IX (наказание) – X (погребение). В свете сообщения Макробия о связи права и календаря можно предположить, что X таблица соответствовала декабрю, а IX – ноябрю. Ноябрь и декабрь маркировали время окончания сельскохозяйственного цикла, для которого было характерно наступление холодов и максимальное истощение солнечной энергии¹². На декабрь приходится значимое практически для всех традиционных культур Европы время зимнего солнцестояния с самым коротким в году световым днем. Время зимнего умирания природы и замирания сил плодородия в глазах человека того времени естественным образом соотносились со смертью и погребением в человеческом обществе. В раннем Риме «космический» = природный порядок понимался одновременно как порядок религиозный, социальный и правовой, в силу чего религи-

озно-правовые нормы регулировали как социальные отношения, так и разделение времени и пространства, движение звезд, смену времен года и т.д.¹³

В таком свете календарь может рассматриваться как своего рода нормативный механизм, отражающий и одновременно создающий определенный порядок в природно-космической сфере, тогда как связанные с ним и зафиксированные децемвирами законы фиксировали этот порядок в человеческом мире. И то и другое, как отмечалось, было построено на единых принципах и имело аналогичные формы. Так, значительная часть норм VIII таблицы (согласно предложенной логике он должен соответствовать октябрю) связана с урожаем и вредоносной магией. Как отмечал Плиний, «у итальянских племен также существуют определенные следы магии в XII таблицах» (NH. XXX.1.12). К ним, без сомнения, относится передаваемый Цицероном и другими древними авторами запрет распевать под страхом смерти некие «злые песни» (*malum carmen*)¹⁴. Боязнь вредоносной магии следует объяснить и запрет работать в ночное время на вспаханном поле, с принесением нарушителя в жертву Церере: «По XII таблицам смертным грехом для взрослого было потравить или сжать в ночное время урожай с обработанного плугом поля. [XII таблиц] предписывали [такого] обреченного [богине] Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего [виновного в подобном преступлении] по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере» (Plin. NH. XVIII.3.12)¹⁵.

Упоминание о человеческом жертвоприношении как санкции за нарушение сакральных норм присутствует и в требовании предать подземным богам (*sacer esto*) патрона, который причинил вред своему клиенту¹⁶. В основе этой нормы находится представление о сакральном характере договорных отношений, связывавших людей, вступающих в них. Судя по всему, в период создания Законов не проводилось разделения между религиозной клятвой и чисто юридическими действиями, поскольку и в том и другом случае должник давал сакральную клятву *puncupatio*, невыполнение которой означало обречение себя на жертву в случае невыполнения обязательства (Gell. XX.1.14; Fest. P. 496 L; Serv. V.237). Сюда же следует отнести лжесвидетельство, которое, по свидетельству Авла Геллия, каралось сбрасыванием с Тарпейской скалы (XX.1.53).

Отдельную группу представляют нормы, связанные с запретом магических практик в отношении земли и произрастающего на ней урожая. Как свидетельствует Плиний, согласно XII таблицам тайное истребление урожая каралось более тяжело, чем убийство человека (NH. XVIII.3.12). Эти сведения подтверждает Сенека, который отмечает: «И у нас законы XII таблиц грозят наказанием тому, кто будет “заговаривать чужой урожай” (*quis alienos fructus exsantassavit*). Невежественная древность верила, что заклинаниями можно вызывать дожди и предотвращать их» (NQ. IV.7. Пер. Т.А. Бородай).

О существовании магической практики «переманивания» чужого урожая со ссылкой на Законы сообщают

Плиний Старший, Апулей, Сервий Грамматик, Аврелий Августин и Марциан Капелла¹⁷. На то, что нормы Законов не являются неким исключением из правил, указывает сочинение Катона Старшего «*De agri cultura*», в котором присутствуют следы архаического восприятия земли как живого существа. Один из примеров подобного рода – требование Катона, обращенное к вилику, «не обманывать нивы», поскольку это ведет к несчастью¹⁸. М.Е. Сергеенко расценивает слова Катона как свидетельство того, что в представлении сельского населения Италии землю связывали с земледельцем определенные отношения: она рассматривалась как должник, которому доверяется (*creditur*) посев, в силу чего он должен быть возвращен в виде урожая (*reddit*) подобно долгу, возвращаемому с процентами [26. С. 137. Прим. 4]¹⁹.

С другой стороны, VIII таблица содержит нормы, посвященные различным видам членовредительства²⁰. Скорее всего, это не случайность, поскольку характерное для архаического сознания стремление к «витализации» земли и произрастающему на нем урожаю должно было ставить знак равенства между магическими процедурами, направленными против будущего урожая, вредоносной магией, имеющей опасность для человека, и реальным нанесением телесных повреждений. Не исключено, что членовредительству могло быть уподоблено и тайное срезание колосьев, связанное со сбором урожая, являвшемся важной вехой в аграрном календаре. Он открывал подготовку к сезонным изменениям, обозначавшим завершение годового цикла и осознававшихся как время замирания жизненных сил природы, переходившей под власть хтонических божеств – тех самых, которым приносились в жертву лица, наносившие ущерб (прямо или посредством магических процедур) посевам и урожаю²¹.

В этой связи обращает на себя внимание, что в источниках прослеживается особая роль коллегии понтификов в толковании и, возможно, составлении Законов²². Секст Помпоний, римский юрист II в., указывает: «Знание всех этих прав и умение их толковать, и иски были в руках понтификов, и устанавливалось в каждом году, кто из них будет вести частными делами, и почти сто лет народ придерживался этого обычая» (D.I.2.6)²³. Кроме того, нельзя исключить того, что понтифики входили в комиссию децемвиров. Иоанн Лид в этой связи оставил туманное по смыслу сообщение: «Эти люди [децемвиры] были магистратами до тех пор, пока кто-то не пожелал причислить к разряду магистратов тех, кого римляне называют понтификами» (Mag. I.35). Не совсем понятно, что имеет в виду древний автор: либо понтифики противопоставляются магистратам – децемвирам (хотя, согласно сведениям Ливия, на время работы децемвиров была парализована деятельность остальных магистратов), либо же понтифики и являлись децемвирами. Обратившись к источникам, мы лишь укрепляемся в своих сомнениях. Как сообщает Ливий, раз в 10 дней каждый из децемвиров председательствовал на суде (III.33.8). Это сообщение приобретает особый смысл при сравнении его со сведениями других авторов. Дионисий сообщает о том, что

понтифики были судьями над всеми частными лицами, магистратами и жрецами (II.73.2). По сведениям Феста, верховный понтифик являлся судьей как для частных лиц, так и для магистратов (P. 113L). Не менее интересно замечание Ливия о том, что децемвиры «походили на десять царей» (III.36.3)²⁴. Возможно, слова Ливия следует воспринимать в качестве фигуры красноречия, призванной подчеркнуть тиранические замашки децемвиров, однако, как сообщают Плутарх и Зосима, царь – в данном случае Нума Помпилий – и был первым верховным понтификом (Plut. Num. 9-12; Zos. IV.36). Эта информация подтверждается Сервием и Исидором Севильским, по сведениям которых у римлян было в обычае, чтобы царь одновременно был и жрецом, а именно понтификом (Serv. Aen. III.80; Isid. Orig. VII.12.14).

Выход на понтификов не случаен, поскольку в их руках находилось знание правил, регулирующих взаимоотношения мира людей и мира богов. Одной из обязанностей понтификов было наблюдение за небесными светилами, что было напрямую связано с составлением и регулированием календаря [12. С. 39]. Как сообщает Авл Геллий, верховный понтифик составлял особую таблицу, в которой фиксировались различные астрономические явления (II.28.6)²⁵. Согласно Цицерону, pontifex maximus заносил записи, накопившиеся за год, на особую выбеленную таблицу, которую вывешивал на стене своего дома (De orat. II.52). Это сообщение перекликается со сведениями Дионисия, который сообщает, что Анк Марций призвал понтификов и получил от них записи с описанием ритуалов, сведенных воедино при Нуме Помпилии, и велел записать их на таблицах и выставить на Форуме (III.36.4). В какой то степени это напоминает историю создания Законов, причем необходимо учитывать, что версия Ливия не является единственной. В источниках существует определенная разногласия относительно времени первой кодификации права, которую древние авторы относят ко времени правле-

ния Анка Марция, Сервия Туллия и Тарквиния Гордого. Как отмечает А.В. Коптев, нельзя исключать того, что все они имели место, в связи с чем в повествовании Ливия всплывают фрагменты традиции, относящейся к разным эпохам [21. С. 40].

Под контролем понтификов находилась как сфера божественного/природного, регулировавшаяся через ритуалы и календарь, так и сфера человеческого/социального, причем в качестве универсального правового регулятора выступало сакральное право. Правовые обычаи, стихийно сложившиеся в ходе общественной жизни, осмысливались древним человеком как отражение божественного права. Выполняя функцию посредников между богами и людьми, понтифики использовали календарь как модель для создания правового порядка в римской общине [17. С. 149]. Понтифики ведали календарем, судопроизводством и частным правом, что позволяло им осуществлять контроль над частной жизнью римлян²⁶. Одновременно понтифики были хранителями правовых норм, имея возможность толковать их для непосвященных, в категорию которых подпадала основная масса населения Рима. Именно традиции архаического сакрального права обусловили особенности структуры Законов, в которых жизнедеятельность человеческого общества была увязана с годичным календарным циклом, отражавшем природный/космический порядок. Кропотливый труд романистов XIX–XX вв. по восстановлению структуры Законов дал ограниченные результаты, поскольку порочным был исходный элемент палингенезы, проецировавший логику и правовые модели буржуазного права, главным образом гражданского, на децемвиральный свод. Таким образом, главным препятствием к пониманию смысла построения Законов является зачастую лишенный рефлексии автоматизм сознания современного человека, рассматривающего архаическое право через призму характерных для Нового времени представлений о праве и его роли в жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как отмечает Д.В. Дождев, принятие Законов по своему значению выходит за рамки сословной борьбы, имея целью кодификации утверждение равенства граждан перед законом [10. С. 12].

² Ср.: «Они [законы XII таблиц] отразили жизнь примитивной аграрной общины, удачно сочетаясь с системой обычного неписанного права, существовавшего в то время» [11. Р. 25].

³ В этой связи обращает на себя внимание присутствующее в сочинении Ливия утверждение, что во время принятия Законов законодателями могли быть лишь патриции (III.31.8). Только понтифики, избравшиеся вплоть до III в. до н.э. исключительно из среды патрициев, были хранителями норм сакрального права [12. С. 71]. Как отмечает Л.Л. Кофанов со ссылкой на Сервия (Aen. XI.558), поскольку жрецы-patres осуществляли от имени общины договорные отношения с богами, именно они должны были регулировать социальную жизнь общины [13. С. 19].

⁴ Подобный взгляд был широко представлен уже в работах романистов XIX в. [4. С. 79–80; 14. С. 22].

⁵ Ср.: Cic. De rep. II.61; Dionys. X.57; Pomp. D. I.2.2.3–4; Lyd. De mag. I.34.

⁶ Ovid. Fast. I.27f; Gell. III.16.16; Censorin. Di dies. nat. 20.3; 22.9–10; 20.22; Macr. Sat. I.12.3; Solin. I.35–36; Lyd. De mens. I.16.

⁷ В той связи показательно, что согласно приписываемому Нуме Помпилию закону женщины должны были носить траур в течение 10 месяцев (Plut. Numa. 12; Sen. Ad Luc. 63.13).

⁸ Varro. De l. l. VI.13; Cic. De leg. II.29; Liv. I.19.6; XXXIII.11.13; Ovid. Fast. I.43f; Censorin. Di dies. nat. I.13.1–3; 20.6; Plut. Numa. 18.1; Macrob. Sat. I.13.4; 14.6.

⁹ Некоторые исследователи, опираясь на сведения источников, полагают, что в раннем Риме одновременно сосуществовали две календарные системы. Согласно одним источникам, «Ромулов» год включал 10 месяцев, насчитывающих 304 дня. Год начинался 1 марта и заканчивался в конце декабря, при этом январь и февраль в данном календаре отсутствовали. Другой вариант календаря включал 360 дней, которые были разделены на 12 месяцев. Календарный год начинался 1 марта и заканчивался 23 февраля с пятью вставными сутками с 24 по 28 февраля [17. С. 142–149; 18. Р. 121–123; 19. Р. 20; 20. С. 375].

¹⁰ Возможно, 10 плебейских трибунов символизировали 10 месяцев «сакрального» года.

¹¹ Следует отметить, что вопреки влиятельной историографической традиции Нового времени Ливий передает довольно противоречивые сведения о противостоянии патрициев и плебеев во время принятия Законов. Так, хотя плебеи не были включены в число децемвиров, принявших первые десять таблиц, это не вызвало среди них возмущения (III.32.7). Второй состав децемвиров, напротив, был избран при прямой поддержке плебеев (III.34.8). Ливий несколько раз сообщает о том, что Аппий Клавдий Цек всячески заискивал перед плебсом и, вероятно, лишь при его помощи был избран во второй раз (III.33.7, 35.4–6). Возникает впечатление, что рассказ Ливия в значительной степени

был навеян реалиями политической борьбы в Риме I в. до н.э. Возможно, здесь нашли свое отражение события 63 г. до н.э., связанные с законопроектом Сервилия Рулла, который также предусматривал создание комиссии децемвиров [21. С. 39–40; 27].

¹² Интересное наблюдение делает А.В. Коптев, обративший внимание на то, что первые шесть месяцев римского календаря, с января по июнь, были ориентированы на имена богов, тогда как другие шесть месяцев не имели названий и просто обозначались числительными. Как полагает автор, первая половина римского календаря была связана с периодом растущего солнца, увеличения солярной активности и связанного с ней периода фертильности, в противоположность второй, маркировавшей период уменьшающейся солнечной активности, который начинался после летнего солнцестояния [22. С. 91–92].

¹³ Как отмечает В.Н. Топоров, для института царской власти в Риме скорее была характерна жреческая, а не административно-политическая функция правителя. Римский царь выполнял роль жреца, который не только знал космологическую структуру мира, но и соотносил ее с социальным устройством общества; точнее, этот царь-жрец определял на уровне нормативных и религиозных установок, каким образом должна быть организована данная социальная группа или их совокупность с тем, чтобы они соответствовали космическому порядку [23. С. 13; ср.: 22. С. 92].

¹⁴ Cic. Tusc. IV.2.4; Cic., Brut., 217; Plin. N.H. XXVIII.28.2, 17; Fest. P. 190 L; Cic. De rep. IV.4.10. ap. Aug. De civ. Dei. II.9; Aug. De civ. Dei. II. 2.12–14; Hor. Ep. II.1.152–155; Corn. Ad. Pers. Sat. I.123; Porph. Ad Hor. Sat. II.1.82–83; Ad Her. IV.25.35; D. XLVII.10.15.3; Arnob. Adv. gent. IV.34; Paul. Sent. V.4, 6; D. L.16. 236. pr.

¹⁵ Ср.: Cic. De or. I.36.167; Cic. De off. III.15.61; Ulp. D. XXVI.10.1.pr.2; Tryph. D.XXVI.7.55.1; Donat. Ad Ter. Eun. 515; Iust. Inst. IV.10.pr.

¹⁶ Gell. XX.1.40; Serv. VI.609. На то, что это сообщение не является ошибкой переписчика или антиквара эпохи Принципата, неправильно понявшего текст, написанный на плохо понятном к тому времени языке, указывают сообщения источников о человеческих жертвоприношениях, совершавшихся в Риме, по крайней мере трижды: в 228, 216 и 113 гг. до н.э. Любопытно, что Орозий упоминает о децемвирах как инициаторах погребения заживо двух пар чужеземцев – греков и галлов в 228 г. до н.э. (Oros. IV.13.3–4). Подробнее с разбором источников см.: [24. P. 180–215].

¹⁷ Plin. N.H. XVIII.6.41–42, XXX.1.12; Apul. Apol. 47; Serv. In Verg. ecl.VIII.9; Aug. De civ. Dei.VIII.19; Mart. Cap. IX.928.

¹⁸ Cat. Agr. V.4: ...segetem ne defrudet: nam id infelix est. Основное значение слова defraudo (defrudo) – «обманывать». В сочинениях Плавта и Теренция, наиболее близких ко времени к Катону, термин defraudo имеет юридические коннотации, используя в значении «обобрать обманным путем» [25. С. 298]. В юридическом контексте используется и Гаев, который в 6-й книге «Вопросов» употребляет термин dotis defrudetur в значении «лишить приданного обманным путем» (Dig. XXIV.3.45). В 4-й книге «Институций» Гая встречается термин emptor defraudatoris (Gai. IV.65).

¹⁹ По мнению М.Е. Сергеевко, наиболее распространенным проступком со стороны вилика была кража посевного зерна.

²⁰ Gell. XX.1.14; Fest. P. 496 L; Gai. III.223; Inst. IV.4.7. Paul. 5.4.6.

²¹ В литературе высказывалось предположение, что даваемая должниками клятва была связана с Сатурном – божеством, связанным с сельскохозяйственным циклом. Хтоническая природа Сатурна проявлялась и в его связи с подземным миром. Месяцем Сатурна был декабрь, на который приходился праздник Сатурналий [17. С. 140–141].

²² Мы можем судить об этом хотя бы потому, что в начале II в. до н.э. была опубликована книга Элия Пета «Tripartita», содержавшая Законы, комментарии понтификов к ним и иски.

²³ Высказывалось предположение, что период в сто лет, о котором упоминает Помпоний, занял период времени между созданием Законов (451–450 гг. до н.э.) и учреждением претуры в 367 г. до н.э. [13. С. 42]. Впрочем, здесь возможны и другие хронологические выкладки.

²⁴ Дионисий отмечает, что децемвиры получили власть, которую до того имели лишь цари (X.55.4).

²⁵ Ср.: Cic. De orat. II.52; Serv. Aen. I.373; Macr. Sat. III.2.17.

²⁶ В этом плане показательным, что Цицерон (De orat. I.193) объединяет книги понтификов и Законы под общим понятием ius civile [12. С. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. Гражданская община и государство в античности // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 71–74.
2. Voigt M. Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminalrechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten. Bd. I-II. Leipzig, 1883.
3. Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима. М., 1883.
4. Пухта Г.Ф. История римского права. Т. I, вып. 1–2 : пер. с нем. М., 1864.
5. Diliberto O. Materiali per la palinogenesi delli XII Tavole. Calgari, 1992. Vol. I.
6. Кофанов Л.Л. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц: сакральное право в системе римского законодательства // Вестник древней истории. 1996. № 2. С. 26–43.
7. Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Петроград, 1918.
8. Дождев Д.В. Римское частное право. М., 1996.
9. Кофанов Л.Л. Сакральное право в системе римского законодательства // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов (31 мая – 2 июня 1993 г.). М., 1994. С. 239–248.
10. Дождев Д.В. Римское архаическое наследственное право. М., 1993.
11. Mousourakis G. A Legal History of Rome. L. ; N.Y., 2007.
12. Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: Римская историография конца III–I вв. до н.э. М., 2005.
13. Кофанов Л.Л. Сакральное право: от человеческих жертвоприношений к правовым санкциям // Религия и община в древнем Риме / под ред. Л.Л. Кофанова, Н.А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 16–44.
14. Падалетти Г. Учебник истории римского права : пер. с ит. Одесса, 1883.
15. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.
16. Дементьева В.В. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 2003.
17. Коптев А.В. Долговое право и календарь раннего Рима // Древний Восток и античный мир. Вып. VII. М., 2005. С. 139–154.
18. Michels A.K. The Calendar of the Roman Republic. Princeton, 1967.
19. York M. The Roman Festival Calendar of Numa Pompilius. NY-Bern-Fr.-a.-M., 1986.
20. Коптев А.В. XII таблиц и календарь архаического Рима: к вопросу об обществе и эпохе записи древнейших римских законов // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференции РАА 1996–1997 гг. М., 1997. С. 372–379.
21. Коптев А.В. От эпохи царей к республике: формирование государственных структур в раннем Риме // История древних цивилизаций. Государство и право древнего Рима / отв. ред. А.В. Махлаук. Вып. 1. Н.-Новгород, 2006. С. 9–59.
22. Коптев А.В. Интеррегнум и диктатура: происхождение немагистратских должностей в раннем Риме // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 80–103.
23. Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. С. 3–19.
24. Erdkamp P. War, Vestal Virgins and live burials in the Roman Republic // Religion and Classical Warfare. Vol. II: The Roman Republic / M. Dillon, C. Matthew (eds.). Barnsley, 2020. P. 180–215.
25. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
26. Сергеевко М.Е. Комментарии // Марк Порций Катон. Земледелие / пер. М.Е. Сергеевко. М., 1950. С. 124–215.
27. Сидорович О.В. Децемвират в истории архаического Рима // Древность и средневековые Европы / под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. Пермь, 2002. С. 18–26.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 мая 2021 г.

Some Observations on the Structure of the Law of the Twelve Tables (Tables VIII–X)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 138–143.

DOI: 10.17223/15617793/469/18

Vladimir A. Kvashnin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: kvashnin195@mail.ru

Keywords: ancient Rome; Roman law; XII tabularum leges; religion; calendar; pontifices.

The article discusses the problem of the structural composition of legal norms in the text of laws of the Twelve Tables. The original model of the laws of the Twelve Tables could be based on principles related to the features of the spiritual culture and socio-normative regulation characteristic of the archaic society. The traditions of the archaic sacred law determined the structure of the laws of the Twelve Tables. In the early Roman law, the activity of human society was linked to the annual calendar cycle. The Roman calendar played the role of a normative mechanism that reflected and created the cosmic order. The laws of the Twelve Tables, related to the Roman calendar, fixed this order in society. The well-known evidence from sources reveals that the First Commission of Decemvirs issued only ten tables of laws, and only later the Second Commission added two tables (Liv III.34.1). It should be noted that the number of decemvirs is equal to the number of tables. This suggests the initial orientation of the structure of laws to the 10-month (“Romulus”) year that existed in archaic Rome. If the ten tables of laws corresponded to the ten months of the “Romulus” year, the last table was Table X. Thus, the system of constructing laws should be found within the first ten tables. The norms of Table X dedicated to funeral rites (Cic. de Leg. II, 25, 64) were authentic. The study of Tables VIII, IX, and X reveals the existence of a certain relationship between them: Table X is dedicated to funeral rites; Table IX regulates the use of the death penalty; Table VIII contains a list of criminal acts with death penalty as a sanction. Thus, a certain system is viewed: VIII (act) – IX (punishment) – X (burial). It can be assumed that Table X corresponded to December, and Table IX to November. November and December marked the end of the agricultural cycle, which was characterized by the onset of cold weather and the maximum depletion of solar energy. December is a significant time of the winter solstice for all traditional cultures in Europe, with the shortest light day of the year. The time of the winter death of nature and the fading of the forces of fertility in the eyes of people of that time naturally correlated with death and burial in human society. In early Rome, the natural order was understood simultaneously as a religious, social, and legal order. Therefore, religious and legal norms regulated social relations, the division of time and space, the movement of the stars, and the change of seasons. The sources reflected the special role of pontiffs in the interpretation and, possibly, creation of laws. The traditions of the archaic sacred law determined the features of the structure of laws, in which the life of human society was linked to the annual calendar cycle, reflecting the natural/cosmic order.

REFERENCES

1. Andreev, Yu.V. (1989) Grazhdanskaya obshchina i gosudarstvo v antichnosti [Civil community and state in Antiquity]. *Vestnik drevney istorii*. 4, pp. 71–74.
2. Voigt, M. (1883) *Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminalrechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten*. Bd. I–II. Leipzig.
3. Muromtsev, S.A. (1883) *Grazhdanskoe pravo drevnego Rima* [Civil law of ancient Rome]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko.
4. Pukhta, G.F. (1864) *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. Vol. I (1–2). Translated from German. Moscow: V tip. Semena.
5. Diliberto, O. (1992) *Materiali per la palinogenesi delli XII Tavole*. Vol. I. Calgari.
6. Kofanov, L.L. (1996) K voprosu o palinogeneze zakonov XII tablits: sakral'noe pravo v sisteme rimskogo zakonodatel'stva [On the palinogenesis of the laws of the Twelve Tables: sacred law in the system of Roman legislation]. *Vestnik drevney istorii*. 2, pp. 26–43.
7. Pokrovskiy, I.A. (1918) *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. 4th ed. Petrograd: Izdanie Yuridicheskago knizhnago sklada “Pravo”.
8. Dozhdev, D.V. (1996) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]. Moscow: INFRA-M-NORMA.
9. Kofanov, L.L. (1994) [Sacred law in the system of Roman legislation]. *Metodologiya i metodika izucheniya antichnogo mira* [Methodology and methods of studying the ancient world]. Conference Proceedings. 31 May – 2 June 1993. Moscow. pp. 239–248. (In Russian).
10. Dozhdev, D.V. (1993) *Rimskoe arkhaischeskoe nasledstvennoe pravo* [Roman archaic inheritance law]. Moscow: Nauka.
11. Mousourakis, G. (2007) *A Legal History of Rome*. Routledge.
12. Sidorovich, O.V. (2005) *Annalists i antikvary: Rimskaya istoriografiya kontsa III–I vv. do n.e.* [Annalists and Antiquaries: Roman Historiography of the Late 3rd – 1st Centuries BCE]. Moscow: RSUH.
13. Kofanov, L.L. (1994) Sakral'noe pravo: ot chelovecheskikh zhertvoprinosheniy k pravovym sanktsiyam [Sacred law: from human sacrifice to legal sanctions]. In: Kofanov, L.L. & Chaplygina, N.A. (eds) *Religiya i obshchina v drevnem Rime* [Religion and Community in Ancient Rome]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. pp. 16–44.
14. Padaletti, G. (1883) *Uchebnik istorii rimskogo prava* [Textbook of the history of Roman law]. Translated from Italian. Odessa: [s.n.].
15. Pershits, A.I. (1979) Problemy normativnoy etnografii [Problems of Normative Ethnography]. In: Bromley, Yu.V. (ed.) *Issledovaniya po obshchey etnografii* [Studies in General Ethnography]. Moscow: Nauka. pp. 210–240.
16. Dement'eva, V.V. (2003) *Detsemvirat v rimskoy gosudarstvenno-pravovoy sisteme serediny V v. do n.e.* [Decemvirate in the Roman state and the legal system of the middle of the 5th century BCE]. Moscow: Infomedia Publisher.
17. Koptev, A.V. (2005) Dolgovoe pravo i kalendar' rannego Rima [Debt law and the calendar of early Rome]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir*. VII, pp. 139–154.
18. Michels, A.K. (1967) *The Calendar of the Roman Republic*. Princeton: University Press.
19. York, M. (1986) *The Roman Festival Calendar of Numa Pompilius*. Peter Lang GmbH.
20. Koptev, A.V. (1997) [The Twelve Tables and the calendar of archaic Rome: on the society and era of recording the most ancient Roman laws]. *Vlast', chelovek, obshchestvo v antichnom mire* [Power, man, society in the ancient world]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 372–379.
21. Koptev, A.V. (2006) Ot epokhi tsarey k respublike: formirovaniye gosudarstvennykh struktur v rannem Rime [From the era of kings to the republic: the formation of state structures in early Rome]. In: Makhlayuk, A.V. (ed.) *Istoriya drevnikh tsivilizatsiy. Gosudarstvo i pravo drevnego Rima* [History of ancient civilizations. State and law of ancient Rome]. Vol. 1. Nizhny Novgorod: [s.n.]. pp. 9–59.
22. Koptev, A.V. (2014) Interregnum i diktatura: proiskhozhdeniye nemagistratskikh dolzhnostey v rannem Rime [Interregnum and dictatorship: the origin of non-magistrate offices in early Rome]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*. 3, pp. 80–103.
23. Toporov, V.N. (1974) Slavyanskiiye kommentarii k neskol'kim latinskim arkhazimam [Slavic commentaries on several Latin archaisms]. In: Toporov, V.N. et al. (eds) *Etimologiya 1972* [Etymology 1972]. Moscow: Nauka. pp. 3–19.
24. Erdkamp, P. (2020) War, Vestal Virgins and live burials in the Roman Republic. In: Dillon, M. & Matthew, C. (eds) *Religion and Classical Warfare*. Vol. II: The Roman Republic. Barnsley. pp. 180–215.
25. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Sergeenko, M.E. (1950) Kommentarii [Commentaries]. In: Mark Porcius Cato. *Zemledelie* [Agriculture]. Translated from Latin by M.E. Sergeenko. Moscow: USSR AS. pp. 124–215.
27. Sidorovich, O.V. (2002) Detsemvirat v istorii arkhaischeskogo Rima [Decemvirate in the history of archaic Rome]. In: Mayak, I.L. & Nyurkaeva, A.Z. (eds) *Drevnost' i srednevekov'e Evropy* [Antiquity and the Middle Ages of Europe]. Perm: [s.n.]. pp. 18–26.

Received: 21 May 2021